

УДК 340

Н.Н. Цуканов, доктор юрид. наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России
E-mail: Nikolai_Zukanov@mail.ru;

В.В. Пономарева, доктор юрид. наук, профессор
Сибирский юридический институт МВД России
E-mail: valery_e378he@mail.ru;

К.Ю. Филиппсон
Сибирский юридический институт МВД России
E-mail: geyzer007@mail.ru

СТРУКТУРА СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

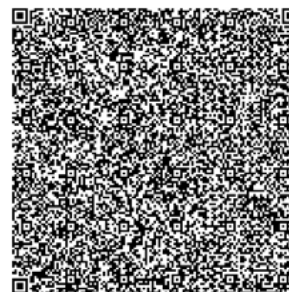
В статье рассматриваются основные подходы к определению структуры субъективного права в общей теории права. Их многообразие сопоставляется с подходами к характеристике описания субъективного права, принятыми в отраслевых юридических науках. На основе приводимых примеров авторы приходят к выводу о том, что вариативность определения количества и наименований элементов, входящих в его структуру, является не признаком правильности или неправильности подхода исследователя, а естественным результатом различий отношения исследователей к определению глубины предмета анализа и задачи, которую ставит перед собой исследователь.

Ключевые слова: субъективное право, структура субъективного права, элементы субъективного права, правомочия.

N.N. Tsukanov, Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: Nikolai_Zukanov@mail.ru;

V.V. Ponomareva, Doctor of Juridical Sciences, professor
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: valery_e378he@mail.ru;

K.Yu. Filipson
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: geyzer007@mail.ru

STRUCTURE OF SUBJECTIVE LAW: GENERAL THEORETICAL CHARACTERISTIC

The article discusses the main approaches adopted in the general theory of law to the definition of the structure of subjective law. Their diversity is compared with the approaches to characterizing the description of subjective law, adopted in the branch of legal sciences. On the basis of the examples given, the authors come to the conclusion that the variability in determining the number and names of the elements included in its structure is not a sign of the correctness or incorrectness of the researcher's approach, but a natural result of differences in the attitude of researchers towards determining the depth of the subject of analysis and the task that confronts a researcher.

Key words: subjective right, structure of subjective right, elements of subjective right, powers.

Под субъективным правом принято понимать установленную и гарантируемую государством посредством норм объективного права индивидуализированную юридически возможную и дозволенную меру поведения субъекта, осуществляемую по собственной воле в рамках закона и обеспеченную действиями юридически обязанных лиц в целях удовлетворения интересов управомоченного лица, государства и общества в целом [11, с. 146]. Признается, что субъективное право обладает определенной внутренней структурой, однако единого мнения относительно входящих в нее компонентов нет.

Приверженцем одноэлементного подхода к строению субъективного права является Е.Я. Мотовиловкер, по мнению которого, включение в субъективное право более одного правомочия является алогизмом, т.к. конкретное «живое» субъективное право чаще всего ограничивается одним правомочием, при этом отмечается, что реальное субъективное право требует признания своей простоты и «отказывается» вмещать в себя «навязанные» теоретическими конструкциями правомочия [9, с. 38]. Интересно, что автор высказывает сомнения относительно целесообразности выделения правомочия на собственные действия в системе субъективного юридического права: «Можно ли считать удачным и точным понятие права на собственные действия? Возможно ли вообще говорить о праве на собственные действия?» [7, с. 321]. По его мнению, право можно иметь только на чужие действия (поведение), но не на свое собственное, ибо право означает возможность требования чего-либо от других, но не от себя, в правовых отношениях можно быть с другим, а не с самим собой. Соответственно, право на собственные действия носит условный характер и не может являться элементом структуры субъективного права, т.к. это противоречит существу права как возможности определять чужое поведение. В качестве примера приводится следующее суждение: «я имею право получить», значит, «я имею право на воздержание других от помехи моему получению», ибо в праве «получить» нет ничего, кроме права на воздержание от помехи получению [7, с. 322].

Приведенная позиция представляется весьма спорной, поскольку для осуществления субъективного права недостаточно обладать «правом воздержания от помех», равно как и заведомое отсутствие противодействия со стороны посторонних лиц само по себе еще не обеспечивает правомерности действий соответствующего лица. Полагаем, что именно в правомочии на собственные действия выражается основная сущность и назначение субъективного права в правовой системе.

Более популярным остается подход, предполагающий выделение двух обязательных элементов структуры субъективного права: 1) возможность со-

вершения определенных действий управомоченным лицом; 2) право управомоченного лица требовать определенного поведения от обязанных лиц.

Так, О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский [4, с. 224] не соглашались с позицией Н.Г. Александрова, утверждавшего, что субъективное право включает в себя не два, а три правомочия: вид и меру возможного поведения его обладателя, возможность требовать определенного поведения от обязанных лиц и возможность прибегнуть в необходимых случаях к принудительной силе государственного аппарата [1, с. 108-109]. Авторы отмечали, что возможность прибегнуть в необходимых случаях к принудительной силе государственного аппарата существует не параллельно с другими, закрепленными в субъективном праве возможностями, а свойственна им самим, т.к. без этого они не были бы юридическими возможностями. Возможность совершения определенных действий самим управомоченным и право требовать определенного поведения включают в себя правомочие лица обратиться за защитой к уполномоченным субъектам права в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения юридических обязанностей.

Как утверждал С.С. Алексеев, право на действия фактического характера непременно должно быть связано с правом требования (правом требовать от других лиц воздержаться от определенных действий). Автор полагал, что в данном случае субъективное право представляет собой органический сплав и тех, и других правомочий. Через правомочие требовать пассивного поведения от других лиц субъективное право в целом связывается с юридическими обязанностями и, следовательно, через него входит в состав правоотношений – правоотношения пассивного типа [2, с. 121].

Н.И. Матузов предлагал выделять четыре элемента содержания субъективного права:

1. Возможность положительного поведения самого управомоченного лица.
2. Возможность требовать соответствующего поведения от правообязанного лица.
3. Возможность прибегнуть к мерам государственного принуждения в случае неисполнения обязанностей.
4. Возможность пользоваться на основе данного права определенным социальным благом.

Позиция обосновывается необходимостью скрепления трех формальных элементов субъективного права с помощью четвертого в целях придания субъективному праву социального звучания и назначения [8, с. 80].

Поддерживая представленный подход, Е.М. Хохлова отмечает, что обладание тем или иным субъективным правом означает возможность действовать, вести себя определенным образом (дозволенным,

разрешенным законом) и, соответственно, пользоваться известным социальным благом [12, с. 95].

Предложение не выглядит бесспорным. Прежде всего потому, что предоставленная возможность действовать самостоятельно и требовать от других удовлетворения своих интересов сама по себе реализуется в целях пользования определенными благами и обеспечивает это пользование. Соответственно, можно предположить, что указанные элементы уже взаимосвязаны между собой для достижения определенного результата.

Интересно, что различными являются и подходы к определению приоритетов в перечисленных элементах. Например, С.С. Алексеев указывал, что «правомочие на чужие действия является своего рода юридически вспомогательным средством и призвано обеспечить исполнение или соблюдение юридической обязанности другим лицом или лицами» [2, с. 74].

С другой стороны, Г.Ф. Шершеневич полагал, что именно в праве требования и действиях обязанного лица отражается сущность права. «Не то важно для понятия субъективного права, – писал он, – как в пределах своей власти осуществит субъект свои интересы, как использует обеспеченное ему положение, а важно, что в силу своей власти может он требовать от других или запрещать другим. Важно не то, что может субъект права, а чего не смеют субъекты обязанности» [13, с. 620].

Н.М. Коркунов также отводил главную роль в реализации субъективного права правомочию требования и юридической обязанности. «Если никто не обязан соотноситься с моим правомочием, оно не может иметь ровно никакого значения, поэтому в юридических отношениях, как и во всех других, основное значение имеет пассивная сторона, обязанность, связь» [5, с. 180].

Важным можно считать и такой элемент субъективного права, как право на защиту, которое в общем виде включает две конкретные возможности: применения мер защиты самим управомоченным и возможность притязания к правонарушителю. Отличительная особенность первой возможности состоит в том, что, если обязанное лицо не выполняет законных требований управомоченного лица добровольно, указанная возможность может быть реализована только действиями самого управомоченного, в то время как вторая – как усилиями самих заинтересованных лиц, так и специальными органами [6, с. 79-80]. Например, в целях предотвращения финансово-правовых конфликтов государство предоставляет физическим лицам и организациям право на самозащиту своих прав. В соответствии с подп. 11 п. 1 ст. 21 НК РФ налогоплательщики имеют право не выполнять неправомерные акты и требования налоговых органов

и их должностных лиц, неправомерность которых заключается в их несоответствии НК РФ или иным федеральным законам.

Все изложенное тем не менее не исключает вопрос о том, насколько подобные положения отражают специфику именно субъективного права как элемента статуса участника правоотношения. Можно ли отрицать наличие соответствующих пассивных юридических обязанностей третьих лиц при реализации лицом своей субъективной обязанности? Полагаем, что вполне уместными являются и рассуждения относительно права требования к третьим лицам воздержаться от определенных действий, препятствующих соблюдению установленного законодательством запрета. Иными словами, не является ли право уполномоченного лица предъявлять рассматриваемые требования к другим лицам характеристикой более широкой по отношению к субъективному праву категории?

Нетрудно заметить, что, оставаясь достаточно популярным для учебной литературы по теории права, вопрос о структуре субъективного права, по сути, не нашел отражения в учебной литературе по уголовному, уголовно-процессуальному, административному и иным отраслям права. При этом речь идет даже не о множественности научных подходов к определению структуры субъективного права, а о самом составном характере этой категории. Рассмотрение правоотношения через призму соотношения взаимосвязанных субъективных прав и обязанностей участников правоотношений является наиболее распространенным приемом в противовес подходу, предполагающему рассмотрение субъективного права во всем многообразии составляющих его элементов. Так, в конфликтной ситуации, связанной с применением сотрудниками полиции огнестрельного оружия, у нарушителя возникает субъективное право своевременно узнать о том, что перед ним сотрудник полиции, который намерен применить это оружие (ч. 1 ст. 19 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. «О полиции»). Однако в законе и учебной литературе это положение отмечается не как субъективное право лица, а как обязанность сотрудника полиции, которая, кстати, при определенных условиях может быть на законных основаниях не реализована (ч. 2 ст. 19 Федерального закона «О полиции»).

Важным обстоятельством, на наш взгляд, служит многообразие, а также специфичность отраслевых примеров реализации субъективных прав. Например, предусмотренное ч. 1 ст. 25.1 КоАП РФ субъективное право лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, заявлять ходатайство, безусловно, предполагает недопустимость воспрепятствования такому обращению, равно как и возможность уполномоченного лица при-

бегнуть в необходимых случаях к принудительной силе государственного аппарата. Однако невозможно понять, что стоит за перечисленными правилами, если не принимать во внимание требования к ходатайству и правила работы с ними, которые регламентируются самостоятельными нормами (ст. 24.4 КоАП РФ) и в текстуальном отношении в большей степени характеризуют сферу субъективных обязанностей лица, в чьем производстве находится дело об административном правонарушении. Кроме того, возникновение такого права предполагает и появление у лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, дополнительной обязанности предварительно его разъяснить, чего перечисленные подходы не предусматривают. В связи с этим интересна позиция А.А. Рудакова, который выделяет следующие элементы в содержании субъективного права: 1) возможность положительного поведения самого управомоченного; 2) возможность требовать соответствующего поведения от обязанного лица; 3) возможность самообеспечения прав и свобод; 4) возможность обеспечения прав и свобод извне [10, с. 45]. Конечно, можно предположить, что последний пункт охватывает в том числе деятельность контролирующих и надзирающих субъектов, но можно утвердительно говорить и о том, что вмешательство этих субъектов будет представлять собой иное самостоятельное правоотношение.

Отраслевым законодательством нередко предусматриваются ситуации, при которых возникновение субъективного права, допустимые формы его реализации зависят от желания и согласия третьих лиц, что также может отражаться на характеристике его структуры (например, при продаже объекта недвижимости нотариальное согласие супруга, а в соответствии со ст. 37 ГК РФ опекун не вправе без предварительного разрешения органов опеки и попечительства совершать сделки по отчуждению имущества подопечного).

Нельзя игнорировать и тот факт, что для публично-правовых наук более характерным остается интерес к вертикальным правоотношениям, предполагающим юридическое неравенство сторон, где ключевое значение приобретает не правомочие, а полномочие властного субъекта, которое «представляет собой правовое средство, занимающее промежуточное положение между субъективными правами и обязанностями, обладающее не только некоторыми признака-

ми первого и второго, но и собственными» [3, с. 100]. Так, являясь участником уголовно-процессуальных отношений, судья, уполномоченный рассматривать уголовное дело, обязан вынести по нему приговор, даже если сам он этого не желает. Право сотрудника полиции применять меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях (п. 8 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции») при определенных обстоятельствах становится его обязанностью (например, см. ч. 1 ст. 27.12 КоАП РФ). Однако действующее законодательство предусматривает и некоторую самостоятельность органов публичной власти и их должностных лиц в осуществлении своих полномочий. Так, в соответствии со ст. 38 УПК РФ следователь в целях производства предварительного следствия уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий.

При желании характеристика субъективного права может быть дополнена и другими элементами, такими как возможность требовать разъяснения содержания субъективного права, предоставления дополнительных условий, необходимых для его реализации, делегировать свое субъективное право в установленных случаях и порядке, объявлять о намерении его реализовать, в определенных случаях определять наиболее предпочтительную форму его реализации, недопустимость принуждения к реализации субъективного права и т.д. Правоотношения, возникающие при реализации отраслевого законодательства, могут содержать примеры, при которых актуальными оказываются элементы, имеющие отношение к субъективному праву, но не охватываемые классическими подходами, и, наоборот, примеры, при которых тот или иной выделяемый элемент не представляет собой интерес в силу отсутствия юридически значимого наполнения.

Поскольку субъективное право естественным образом связано с каждым элементом правоотношения, можно предположить, что вариативность определения количества и наименований элементов, входящих в его структуру, является не признаком правильности или неправильности подхода исследователя, а естественным результатом различий отношения исследователей к определению глубины предмета анализа и задачи, которую ставит перед собой исследователь.

Литература

1. Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госюриздат, 1955. 176 с.
2. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования. М.: Юрид. лит., 1966. 187 с.
3. Железняк Н.С., Тетерятников Н.Ю., Леонтьева Ю.В. Соотношение правомочий и полномочий в теории права и оперативно-розыскной деятельности // Общество и право. 2020. № 1 (71). С. 99-105.
4. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы общей теории права. М.: Госюриздат, 1961. 381 с.
5. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 9-е изд. СПб., 1914. 364 с.

6. Крашенинников Е.А. Структура субъективного права на защиту // Проблемы защиты субъективных гражданских прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1979. С. 3-7.
7. Магазинер Я.М. Избранные труды по общей теории права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006.
8. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1987. 294 с.
9. Мотовиловкер Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж, 1990. 136 с.
10. Рудаков А.А. Права и обязанности как парные юридические категории: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. 197 с.
11. Рябинин Н.А., Филипсон К.Ю. Механизм защиты субъективных прав: общетеоретическая характеристика // Механизм правового регулирования: история и современность: V Алексеевские чтения. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019. С. 140-154.
12. Хохлова Е.М. Субъективное право и юридическая обязанность в механизме правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 169 с.
13. Шершеневич Г.Ф. Философия права. М., 1911. Т. 1. 839 с.